

*Петербург и Морской шляхетный кадетский корпус в первой четверти XIX в.
(По воспоминаниям его выпускников)*

Морскому корпусу начала XIX в. не слишком повезло в историографии. Известный труд Ф.Ф. Веселаго¹ «написан по случаю празднования столетнего существования Морского корпуса. Нельзя не отдать справедливости этому труду, представляющему первый систематический обзор всего, что было сделано с Петра I для образования морских офицеров. Но понятно, что, будучи трудом, так сказать, официальным, „История” г. Веселаго мало касалась внутренней жизни корпуса и должна была выставлять преимущественно благоприятные стороны...»². Это мнение можно признать справедливым, тем более что книга Ф.Ф. Веселаго, и спустя полтора века после выхода в свет остающаяся наиболее полным исследованием темы, по свидетельству автора, редактировалась лично Николаем I³. Позднее изучались главным образом сюжеты из более ранней истории Морского корпуса⁴. Мы можем назвать лишь две работы об этом военно-учебном заведении по состоянию на начало XIX в. Но интересная, новаторская статья Д.Н. Федотова-Уайта написана в эмиграции, на весьма ограниченной источниковой базе, а соответствующий раздел диссертации Д.Н. Копелева имеет подчиненное значение в рамках ее общей темы и охватывает главным образом 1830–1840-е годы⁵.

Между тем даже по приблизительным подсчетам в царствования Павла I и Александра I до 70% офицеров Российского военно-морского флота окончили именно Морской шляхетный кадетский корпус в Петербурге⁶. Не только историки, но и современники эпохи выделяли особый психологический и поведенческий тип морского офицера «александровского времени», первой трети XIX в., исчезнувший затем в николаевское царство-

вание⁷. Благодаря произведениям А.А. Вестужева-Марлинского, В.И. Даля, Н.В. Гоголя он отражен и в художественной литературе⁸. Этот тип формировался в стенах Корпуса, так как, по точному замечанию Д.Н. Копелева, «именно здесь складывался военно-морской социум, члены которого были тесно связаны между собой, чему способствовало не только пребывание в Корпусе как таковое, но и взаимное общение, знакомство в рамках обособленного флотского коллектива с его профессионально-кастовым духом, присущим ему мироощущением»⁹. Известно, что между собой однокашники «все даже в адмиральских чинах сохраняли свои корпусные прозвища: Макаки, Максима, Борши, Алеши, Коровы, Рыбки, Бодяги и проч.»¹⁰.

Именно в начале XIX в., после перевода Павлом I в 1796 г. из Кронштадта на Васильевский остров, Корпус становится одной из характерных составляющих Петербурга как «военной столицы». Это событие можно считать условной нижней хронологической границей рассматриваемого периода. Верхней же является назначение Николаем I в 1826 г. директором Корпуса И.Ф. Крузенштерна, по общему мнению историков и мемуаристов, знаменовавшее собой начало качественно иного этапа в истории учебного заведения. Так как его директором с 1803 по 1825 г. беспрерывно являлся П.К. Карцов, то и весь этот срок обычно именуется в литературе «карцовским». Слабая исследованность этого тридцатилетия (1796–1825 гг.) истории Корпуса тем более удивительна, что по сравнению со второй половиной XVIII в. оно неплохо освещено в мемуарных источниках: двенадцать произведений против четырех — в полном соответствии с общей динамикой развития этого жанра в России¹¹.

Все воспоминания о Корпусе второй половины XVIII в. относятся к одному типу мемуаров-автобиографий, написанных без расчета на обнародование спустя максимум три десятилетия после событий. Опубликованы же они были через восемьдесят, сто и более лет¹². Ситуация же с источниками о первых десятилетиях XIX в. более сложна. Единственный дневник был веден автором во время и сразу после выпуска из Корпуса¹³; краткие подневные записи соответствуют наблюдению о том, что дневники этого времени, «оставленные авторами-моряками, выступают неким подобием морской документации... они со скрупулезной точностью и в бесстрастно отстраненном тоне повествуют о происходящем, фиксируя внешнюю сторону описываемого события...»¹⁴.

Все выявленные нами воспоминания созданы уже в середине — второй половине столетия, увидели свет главным образом вскоре

или сразу после написания и полностью принадлежат русской мемуарной культуре XIX в.¹⁵ Их можно отнести к преобладавшим в том веке мемуарам — «современным историям», определяемым как «вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом». Такие воспоминания изначально были рассчитаны на публикацию, пусть и отложенную, ишицированы какими-либо внешними общественно значимыми событиями, учитывают уже высказанные другими авторами точки зрения, соглашаясь или полемизируя с ними¹⁶. Важно, что более половины из этих мемуарных произведений созданы авторами специально с целью фиксации воспоминаний об учебе в Корпусе.

Таким образом, круг источников довольно широк, авторы оценивают одни и те же события, явления, порядки, характеры с разных позиций, подмечают их оттенки. Это дает возможность попытаться на сравнительно небольшом хронологическом отрезке получить объемное изображение жизни в замкнутом мире закрытого военно-учебного заведения. Тематика нашей конференции побудила обратиться к информации, позволяющей уяснить именно те фрагменты корпусной жизни, которые могли быть заметны постороннему наблюдателю в столичном ландшафте начала XIX в.

Здесь на ум в первую очередь приходят парады. Действительно, где, как не на «потешных марсовых полях» столицы, было видеть ее жителям воспитанников Корпуса во всей красе и в полном составе. Публичные военные церемонии и, соответственно, подготовка к ним, «фрунтовое искусство» в павловское и александровское царствования получили широчайшее распространение, а по мнению некоторых исследователей — наивысшее развитие¹⁷. Для постоянно пребывавших в Петербурге воинских частей участие в череде парадов и смотров являлось одной из основных составляющих службы¹⁸. Но, как ни странно, Морской корпус был исключением. Учившийся в 1805–1811 гг. Д.В. Броневский свидетельствовал: «В мое пребывание в Морском корпусе строевой службы не было; правда, что маршировали, но учителем у нас был танцмейстер де Роси. Можно представить себе, что это за маршировка была! Что некогда существовало фрунтовое образование в Морском корпусе, то на это было доказательство в ротных амуничниках, где хранились ружья и очень красивые каски»¹⁹. Строевая подготовка стала строго обязательной на флоте после реформы в области его организации, проведенной в начале 1810 г., когда личный состав был разделен на экипажи —

береговые воинские части, из состава которых на время морских кампаний комплектовались команды судов²⁰. Соответственно, возникла и настоятельная необходимость во «фрунтовом образовании» будущих офицеров. Как вспоминал окончивший Корпус в 1815 г. К.Ф. Де-Ливрон, «ружья даны были корпусу лишь в 1810 году и тогда же стали присылать учить кадет ружейным приемам капралов лейб-гв. Семеновского полка»²¹.

Но, судя по мемуарам, ситуация не слишком изменилась. Когда в 1814 г. только что произведенный офицер прибыл к месту службы в Кронштадт, его первым делом «начали обучать армейской экзерциции...»²², а к выпущенному в 1817 г. по протекции прямо в Гвардейский экипаж А.П. Беляеву «унтер-офицер был назначен приходить на квартиру, чтобы в подробности ознакомить с ружейными приемами, хотя и в корпусе нас учили ружью и маршировке»²³. Д.И. Завалинин, по окончании Корпуса служивший в нем в начале 1820-х годов преподавателем, утверждал, что «фрунтовое ученье и обучение ружейным приемам были также обязательными; первое производилось корпусным батальонным командиром, последнее гвардейским унтер-офицером»²⁴. Но ставший офицером в 1825 г. Д.И. Кузнецов описывал это так: «Для обучения строевой службе, введенной при Траверсе во флотских экипажах, были присланы в корпус из морских полков» на постоянной основе офицер и два унтера, через некоторое время по разным причинам выбывшие. «Новых инструкторов не было. Фрунтовая служба только и видна была на гауптвахте на парадном дворе в праздничное время и каникулы и парадах по воскресеньям: роты рассчитывались на взводы, и старший дежурный командовал: „Повзводно направо, марш“, и взводы проходили тихим шагом по маршу, который один только и знали плохие корпусные музыканты»²⁵.

Эту картину первой половины 1820-х годов подтверждают другие мемуаристы, обязательно уделявшие внимание состоянию строевой службы: сказывалось то, что их карьера прошла в николаевское время. Н.А. Энгельгардт вспоминал, как оставшихся в Корпусе во время летних каникул кадетов «иногда какой-то отставной армейский офицер Пеньков учил фрунту, но не более как поворотам и полуоборотам»²⁶, а П.В. Митурич — что «фрунту учили старые кадеты, возведенные в звание ефрейторов, которые, согласно тогдашним военным обычаям, колотили учащихса вдоволь и по щекам, и по зубам, и все смотрели на это, как на самое необходимое при обучении фрунту»²⁷.

В итоге когда Корпус вместе со всеми другими военно-учебными заведениями был новым императором назначен участвовать в

церемонии погребения Александра I в Петропавловском соборе 13 марта 1826 г., «встретился неожиданный казус: занятий фронтовых никогда не было, и к тому же, по сведениям канцелярии, должно было находиться знамя, а его не оказывалось; долго доискивались и наконец нашли его на чердаке над залой, но уже все съеденное мышами и оставалось одно древко»²⁸. Утверждение насчет злодейства грызунов требует проверки, остальное же подтверждается свидетельствами других участников события, гардемарин А.И. Зеленого и Л.А. Загоскина, шедших унтер-офицерами как раз в знаменных рядах: «На чердаке канцелярии корпуса отыскало Георгиевское знамя, данное принцу Нассау-Зигену за разбитие шведов; как старейшему знамени в полках гвардии прочие знамена отдавали ему честь... С любопытством смотрела на нас встречавшаяся публика, никогда не выдавшая вкупе Морского корпуса, в его черной одежде и амуниции...»²⁹, «...это был первый шаг во фронтовом образовании моряков»³⁰. Таким образом, в первой четверти XIX в. воспитанники Морского корпуса ни разу не выходили парадным строем за ворота своего здания на Васильевском острове.

Более того, в мемуарах зафиксировано очень немного случаев, когда они могли покинуть его организованно, большими группами и во главе с офицерами. Летом оставшихся в Корпусе кадетов выводили гулять на берег залива³¹. Там же бывали воспитанники двух других учебных заведений, располагавшихся неподалеку, — Сухопутного и Горного корпусов. Иногда такое соседство заканчивалось печально: «...раз даже была генеральная драка двух корпусов: Морского и Горного. Как-то случилось, что воспитанников обоих заведений привели в одно время играть на Смоленское поле. Дело начали маленькие, затрагивая друг друга. Наши кричали:

— Горные, задорные!

А те им:

— Морские, воровские!

Пошла перепалка. За маленьких вступились большие и, таким образом, произошла общая свалка, которую офицеры никоим образом остановить не могли, пока сами кадеты не прекратили ее. С этого побоища многие вернулись с пробитыми головами и разными ушибами...»³². Причем это был не единственный подобный эпизод: по свидетельству Д.И. Кузнецова, «воспитанники корпусов Васильевского острова, встречаясь на прогулках, нередко схватывались и сами себя охарактеризовали: морской — воровской, горный — задорный, сухопутный — беспутный»³³. Надо

заметить, что подобная традиция существует в Петербурге почти триста лет: известно о вражде кадетов Сухопутного корпуса и гвардейцев в 1730-е годы³⁴, есть свидетельства очевидцев о массовых драках курсантов Военно-морского училища им. М.В. Фрунзе (находится в здании бывшего Морского корпуса) со студентами Горного института и Ленинградского Государственного университета в 1950-е годы, курсантов сухопутных и военно-морских училищ Ленинграда в 1970-е.

Петербургские жители могли видеть воспитанников Корпуса вне его стен во время внеклассных занятий. Весной гардемарин вооружали стоявшие у набережной Невы корпусные суда, учась обращаться с парусами и снастями перед выходом в первые плавания³⁵. Правда, при этом внешне было затруднительно отличить гардемарина от простого матроса, так как первый тоже постигал азы флотской науки «в матросской рубашке, широких парусиных брюках, с фуражкой набекрень, пристегнутой на ремешке, подпоясанный смоленой веревкою...»³⁶. Летом старшие кадеты ходили учиться плавать в специально построенную купальню «против здания корпуса, где в то время был перевоз через Неву, а ныне красуется памятник адмиралу Крузенштерну...»³⁷.

Что касается индивидуальных увольнений, то «воспитанники не знали отпусков по будням и даже в праздничные дни отпускаясь только к надежным родственникам, да и то требовались личный приезд или присылка надежного лица с письмом, а возвращение в корпус было обязательно в 7 часов вечера накануне учебного дня. И ни один предмет, может быть, не подвергался так часто обсуждению, как отпуски из корпуса; и каждый раз, когда заявлялось требование об ослаблении строгости по сему пункту, решение было отрицательное, на том основании, что для людей с недостаточными средствами, как большая часть воспитанников Морского корпуса, недоступно посещение таких мест, где они могли бы получить пользу или благородные удовольствия, и потому дозволение отпусков неизбежно ведет к посещению таких мест, от которых кроме вреда ничего ожидать нельзя»³⁸.

Свидетельства других мемуаристов подтверждают, что на субботу и воскресенье, а также на некоторые праздники, например святки, отпускали в сопровождении присланной за ними прислуги только тех, у кого родители жили в столице³⁹. При этом в субботу кадет уходил лишь по окончании занятий, так что дома он мог оставаться всего около полутора суток. Существовали, правда, и нечастые исключения, например Д.И. Кузнецов, буду-

чи сыном корпусного преподавателя, жил «при родителях», а не в роте, так же как дети некоторых высших военно-морских чинов, приходившие только на занятия⁴⁰.

Воспитанники же, не имевшие в столице близких родственников, вообще официально не бывали «за корпусом», то есть в увольнении, а ведь таких было большинство. Исключения делались лишь для отличников, «им дозволялось ходить на физические ошты, посещать Академию художеств, Медико-хирургическую, Кунсткамеру, Горный музей и пр.»⁴¹. Конечно, результатом стало распространение пресловутых «самоволок», что на корпусном сленге того времени называлось «ходить на ваган» и считалось серьезным проступком⁴². Но тем не менее «с уходом офицера, после девяти часов вечера, уходили и кадеты, охотники до приключений — одни домой, другие в театр, а некоторые „на фуражировку“. „Фуражиры“ имели даже свои костюмы, например: барин, барыня и лакей идут на Невский в магазин, и пока барыня выбирает и торгуется, барин и лакей весьма ловко воруют»⁴³. Дело облегчалось сложной планировкой здания Корпуса, что позволяло находить потайные выходы из него⁴⁴. Наблюдение же за кадетами было налажено столь плохо, а взаимопомощь между ними так сильна, что однажды П.В. Митурич, получивший случайную травму, три дня пролежал в роте, и никто из начальства даже не заметил его отсутствия на занятиях: «После этого невольно верится, что некоторые воспитанники уходили из корпуса на целые дни и это проходило им безнаказанно»⁴⁵.

Можно заключить, что контакты учащихся Корпуса с внешней средой были крайне ограничены. Неудивительно, что в их воспоминаниях собственно Петербург как впечатление отсутствует. Но и столичный мир практически не вторгался в замкнутое пространство военно-учебного заведения. Судя по мемуарам бывших кадетов за первую четверть XIX в., в Корпусе не побывала ни одна высочайшая особа: «Император Александр Павлович, занятый умиротворением Европы, не имел времени для внутреннего устройства своей империи; поэтому он ни разу не удостоил посещением флота и Морского корпуса»⁴⁶. Единственными исключениями стали король Пруссии и принц Георг Ольденбургский, в 1809 г. осмотревшие аудитории в рамках программ их официальных визитов в российскую столицу⁴⁷.

По аналогии с позднейшим временем можно было бы предположить, что высшее петербургское общество имело шанс непосредственно соприкоснуться с Корпусом на балах в стенах этого учебного заведения. В конце XIX в. таким ежегодным балом на

несколько тысяч человек 6 ноября открывался столичный великосветский сезон⁴⁸. Это был день исповедника Павла — корпусной храмовый праздник, но в начале столетия он отмечался совсем по-другому: «В шесть часов вечера нас снова привели в столовую залу для танцев. Тогда не было еще обычая приглашать на вечера посторонних, и даже корпусные дамы не являлись на этот праздник. Присутствовали только: дежурный капитан, пять дежурных офицеров, и учитель танцевания... с приятною улыбкою составлял пары и распоряжался танцами. Танцы продолжались до девяти часов вечера и в продолжение их нам раздали по яблоку, по несколько грецких орехов и по горсти изюму, а по окончании их дали нам ужинать, чем и заключился праздник»⁴⁹. Как относились кадеты к этим танцам друг с другом, свидетельствует Д.И. Кузнецов: «Если 6 ноября в храмовой праздник не давали яблоков, то ночью били стекла и ломали на галереях балясины, так что вгоняли починку всего в цену дороже покупки яблоков...»⁵⁰.

Таким образом, Морской корпус первой четверти XIX в. был «вещью в себе» и еще не стал активной составляющей столичной жизни, во всяком случае по мемуарам это не просматривается. Причин можно привести несколько: тянувшаяся со времен пребывания в Кронштадте инерция замкнутости; особенности контингента воспитанников, состоявшего в основном из детей мелких провинциальных дворян и морских офицеров; отсутствие живых связей между столичным обществом и военно-учебным заведением — его выпускники, как правило, не служили в Петербурге; созданный только в 1810 г. Гвардейский экипаж был малочислен и низко котировался в негласной «табели о рангах» гвардии. Наконец, общее равнодушное отношение к флоту верховной власти, особенно во второй половине александровского царствования, неизбежно воспроизводилось высшим обществом и проецировалось на Корпус. В николаевское правление ситуация изменилась благодаря явному высочайшему вниманию к Корпусу и флоту, внедрению новых принципов обучения и воспитания, переменам в составе воспитанников, в частности заметному росту числа детей остзейских дворян. В общем, первую четверть XIX в. можно охарактеризовать как время адаптации учебного заведения к столице, вхождения его в сложившуюся социальную экосистему города, естественной частью которой Морской корпус стал уже во второй четверти столетия.

¹ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852.

² *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // *Русский вестник*, 1873. Т. 105. № 5. С. 624.

³ РГАВМФ. Ф.29. Оп.1. Д. 60. Л.12.

⁴ См.: *Российский флот (1720–1917): Библиографический справочник изданий морского ведомства / Сост. Н.Г. Сергеева.* СПб., 1995. С. 43–44. Из последних работ см., напр.: *Вахлиштина С.И.* Подготовка офицерских кадров для российского флота во второй половине XVIII века (по опыту Морского шляхетного кадетского корпуса): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; *Кротов П.А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 29–30; *Козюренко К.Л.* Морской шляхетный кадетский корпус во второй половине XVIII в.: (По воспоминаниям его выпускников) // *Феномен Петербурга: Труды Международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина.* СПб., 2000. С. 363–375. Заметим, что результаты исследований по истории Корпуса XVIII в. мало используются в специальных трудах о подготовке офицерских кадров российской армии, как правило, основанных на материалах сухопутных военно-учебных заведений. См., напр.: *Аурова Н.Н.* Система преподавания в военно-учебных заведениях в XVIII в. // *Исследования по истории России XVI–XVIII вв.: Сборник статей в честь 70-летия Я.Е. Водарского.* М., 2000. С. 105–114.

⁵ *Федотов-Уайт Д.Н.* Русские флотские офицеры начала XIX века // *С берегов Америки: Юбилейный исторический сборник Общества русских морских офицеров в Америке, 1923–1938.* New York, 1939. С. 123–134; *Копелев Д.Н.* Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте (первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 19. — Во многих отечественных работах история Морского корпуса XIX в. излагается начиная сразу с реформ 1850–1860-х годов. См., напр.: *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997. С. 70–72.

⁶ *Федотов-Уайт Д.Н.* Русские флотские офицеры начала XIX века. С. 117–119.

⁷ Заметки неизвестного о декабристах и о русских моряках прежнего времени // *Щукинский сборник.* М., 1905. Вып. 4. С. 183–193.

⁸ *Федотов-Уайт Д.Н.* Русские флотские офицеры начала XIX века. С. 115–117.

⁹ *Копелев Д.Н.* Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте... С. 19.

¹⁰ Заметки неизвестного о декабристах и о русских моряках прежнего времени. С. 188.

¹¹ См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991. С. 121–281.

¹² *Козюренко К.Л.* Морской шляхетный кадетский корпус во второй половине XVIII в. ... С. 364. — О мемуаристике этого времени в целом см. содержательную работу: *Милиц С.С.* Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998.

¹³ [Романов В.] Дневник мичмана Владимира Романова, 1814 года // *Щукинский сборник.* М., 1903. Вып. 2. С. 157–162.

¹⁴ *Копелев Д.Н.* Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте... С. 6. — Но распространение исследователем этого вы-

вода с дневников на всю «морскую» мемуарно-повествовательную литературу кажется неправомерным. Во всяком случае, созданные в начале XIX в. воспоминания, привлекавшиеся нами как источники по истории Корпуса XVIII в., по своему структурному построению не отличаются от памятников отечественной мемуаристики того времени.

¹⁵ Об этом см.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.

¹⁶ *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод: Источники российской истории. М., 1998. С. 466–475.

¹⁷ См., напр.: *Лалин В.В.* Семеновская история 16–18 октября 1820 г. Л., 1991. С. 51–79.

¹⁸ *Вилинбахов Г.В.* Петербург — военная столица: Гвардейский образ Северной Пальмиры // *Родина.* 2000. № 11. С. 54.

¹⁹ *Броневский Д.В.* Воспоминания // *Русская старина.* 1908. Т. 134. № 6. С. 545.

²⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Т. XLIV. Ч. 1. Книга штатов. Отд. 2. Царствование императора Александра I. С. 70–76.

²¹ [Де-Ливрон К.Ф.] Отрывочные воспоминания старого моряка: Поступление в Морской корпус и выход в офицеры // *Морской сборник.* 1890. Т. 237. № 5. Неоф. С. 57.

²² [Романов В.] Дневник... С. 158.

²³ *Беллев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом: 1805–1850. СПб., 1882. С. 71.

²⁴ *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 653.

²⁵ РГАВМФ. Ф.29. Оп. 1. Д. 60. Л. 9–9 об.

²⁶ *Энгельгардт Н.А.* Морской кадетский корпус: Из воспоминаний Николая Александровича Энгельгардта. 1822–1829 гг. // *Русская старина.* 1884. Т. 41. № 2. С. 376.

²⁷ *Митурич П.В.* Морской кадетский корпус в 1823–1828 годах: (Из воспоминаний генерал-майора Петра Васильевича Митурича) // *Исторический вестник.* 1838. Т. 33. № 9. С. 526.

²⁸ *Энгельгардт Н.А.* Морской кадетский корпус... С. 376.

²⁹ *Загоскин Л.А.* Морской шляхетный корпус в воспоминаниях Л.А. Загоскина 1822–1826 гг. // *Русская старина.* 1886. Т. 52. № 12. С. 714.

³⁰ *Зеленой А.И.* Морской кадетский корпус в воспоминаниях адмирала Александра Ильича Зеленого 1822–1826 гг. // *Там же.* 1833. Т. 40. № 10. С. 96.

³¹ *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 652.

³² *Митурич П.В.* Морской кадетский корпус в 1823–1828 годах... С. 525–526.

³³ РГАВМФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 60. Л. 11 об.

³⁴ *Хавен П. фон.* Путешествие в Россию // *Бесплятых Ю.Н.* Петербург Анны Ивановны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 408.

³⁵ [Де-Ливрон К.Ф.] Отрывочные воспоминания старого моряка. С. 60.

³⁶ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 216.

³⁷ [Де-Ливрон К.Ф.] Отрывочные воспоминания старого моряка... С. 61. Здесь же мемуарист пишет: «...старших кадет обучал плавать

некто Кобри. Этот Кобри, отставной матрос-итальянец, был весь татуирован, так как, спасшись при крушении какого-то коммерческого английского судна, на котором служил в юности юнгой, попал в плен к диким каких-то островам Тихого океана, откуда ему удалось после нескольких лет вернуться в Европу, а затем он на коммерческом судне очутился в Кронштадте и по испытании его в искусстве плавания, блистательно им выдержанном, был принят с чином XIV класса учителем плавания Морского корпуса». В действительности биография Жана Батиста Кобри была еще более необычной. Этого француза моряки шлюпа «Нева» под командованием И.Ф. Лисянского встретили в 1804 г. на о. Нуку-Хива Маркизского архипелага, где он очень помог русским в контактах с туземцами. Лейтенант Е.Е. Левенштерн отметил тогда в своем дневнике: «Француз — совершеннейший дикарь, только его отвратительный характер и немногие французские плясовые песни, которые он помнит, доказывают, что он, вероятно, все же является французом». Кобри случайно задержался на «Неве» в день отплытия и, не успев сойти на берег, вынужден был отправиться с русскими на Камчатку, откуда по суше добрался до Петербурга. В столице он сначала работал танцовщиком в театрах (*Шафрановская Т.К., Комиссаров Б.Н.* Материалы по этнографии Полинезии в дневниках Е.Е. Левенштерна // Советская этнография. 1980. № 6. С. 101, 103, 105). Учителем плавания Морского корпуса и Штурманского училища Кобри приняли в 1807 г.; по сведениям на 1812 г., он имел собственный деревянный дом в Кронштадте и был женат на уроженке Лифляндии Марии Ивановой. Любопытно, что во время «разбора» служивших в России иностранцев в 1812 г. начальник отказался поручиться за благонадежность экзотического учителя плавания «по сумнительному его поведению», правда, не пояснив, в чем оно заключается (РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 14 об.—15, 57 об.—58).

³⁸ *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 652.

³⁹ [*Де-Ливрон К.Ф.*] Отрывочные воспоминания старого моряка... С. 52; *Митурич П.В.* Морской кадетский корпус в 1823–1828 годах... С. 517.

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 60. Л. 1; *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 644.

⁴¹ *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 652.

⁴² Там же. С. 628.

⁴³ *Митурич П.В.* Морской кадетский корпус в 1823–1828 годах... С. 525.

⁴⁴ *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 647.

⁴⁵ *Митурич П.В.* Морской кадетский корпус в 1823–1828 годах... С. 519.

⁴⁶ *Загоскин Л.А.* Морской шляхетный корпус... С. 709.

⁴⁷ *Броневский Д.В.* Воспоминания. С. 552.

⁴⁸ *Граф Г.К.* Моряки: Очерки из жизни морского офицера (1897–1905 гг.). СПб., 1997. С. 19–21, 38–39, 67.

⁴⁹ *Митурич П.В.* Морской кадетский корпус в 1823–1828 годах... С. 516–517.

⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 60. Л. 7 об.